

Светлана Прохорова
Белорусский государственный университет

МИНСК И ВИЛЬНЯ В БЕЛОРУССКОМ ТЕКСТЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Максим Богданович отмечал, что белорусская культура имеет свои корни не только в деревне, но и в европейском городе, организованном на основе Магдебургского права. В таком городе и родился поэт. Он родился в городе Минске, в интеллигентной семье, был широко образованным человеком, поэтом города, поэтом-философом, историком. Хорошо знал историю Минска, получившего в 1499 году Магдебургское право (в 1851 году император Николай I лично подписал указ о сносе ратуши в Минске, чтобы уничтожить даже воспоминания о самоуправлении). Во второй половине XVII века в городе начали проходить сессии Главного трибунала Великого княжества Литовского, что ставило Минск в один ряд с Вильней и Новогрудком. Еще во времена Богдановича жители Минска считали себя частью Европы, о чем свидетельствовали, в частности, названия гостиниц – «Европа», «Париж», «Вена», «Ново-Берлин», «Старо-Берлин» и под.

Для М. Богдановича было важно, что в начале XX века все издания и в Вильне, и в Минске выходили на пяти языках, в том числе и на белорусском. Это, по Богдановичу, показатель европейскости этих городов, которые вместе с тем были местом белорусского Возрождения.

О том, что для белорусов и в настоящее время Вильня является коннотативом, свидетельствуют представленные во фразеологических словарях современного белорусского языка фразеологизмы с компонентом *Вільня*: *рабі пільна, у доме (хаце) будзе Вільня*; *языком у Вільні, а галава за печчу*; *як дзядзька ў Вільні*. Последний восходит к названию одной из глав поэмы Якуба Коласа “Новая зямля” и употребляется в значениях: 1) ‘страх перед начальством и вышестоящими’; 2) ‘чувствовать себя неуверенно’: *Ды дзядзька страх перамагае, // Ён шапку загадзя знімае... // Забіты дух яго вякамі // Ужо чуе страх перад панамі*.

Если Максим Богданович смотрит на Вильню глазами горожанина-интеллигента, то Якуб Колас – глазами своего героя – дядьки Антося, белоруса-крестьянина. Поэтому профилирование концепта *Вільня* Якубом Коласом включает в себя 6 позиций, в том числе: «город социальных контрастов»; «город панов, власти для белорусского крестьянина», а в

силу этого «опасный город», в то время как М. Богданович выделяет 7 позиций, и для него важно, что это «город науки, в т. ч. белорусской»; «город белорусской книги (Франциск Скорина) и белорусского языка»; «город белорусской поэзии и белорусской культуры»; «город белорусского Возрождения». Вместе с тем у обоих поэтов совпадают «Вильня – город-прототип, очень красивый город»; «город славной и таинственной истории» и, наконец, «Вильня – сакральный город».

Сакральность *Вильни*, по М. Богдановичу, еще и в тесной связи с *Минском*, который для М. Богдановича, конечно же, сакральный город. В его поэзии это выявляется имплицитно, на уровне вертикального контекста, в то время как в статье «Белорусское Возрождение» Минск упоминается наряду с Вильней в качестве одного из центров белорусского Возрождения. В докладе предполагается осветить, каким образом в поэзии Богдановича обращается внимание на теснейшую связь Минска и Вильни.

М. Богданович в своем творчестве употреблял два названия – Вильня и Вильно, в то время как Якуб Колас – только Вильня.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что концептуализация Максима Богдановича оказала влияние на белорусскую интеллигенцию, как научную, так и творческую. Название же главы поэмы Якуба Коласа «Новая зямля» закрепилось в белорусской фразеологии.